

Семья и Дом в курсе русской литературы: методические аспекты изучения

И.Р. Ратке, заведующий кафедрой
общественно-гуманитарного образования ГАУ
ДПО РО ИРО, кандидат филологических наук

Концепты «Семья» и «Дом» как методологическая основа изучения семейной темы в курсе русской литературы

Смыслы, стоящие за концептами «Семья» и «Дом»:

- 1) Космогоническое начало, роль в общей картине мироздания.
- 2) Ценностная составляющая, её связь с православной традицией, преломленной сквозь призму древнерусских текстов.
- 3) Роль в сюжетостроении и хронотопе литературных произведений 18-20 веков.

Эволюция концептов «Семья» и «Дом» в литературе 18-20 веков

«Недоросль»:

В соответствии с политическими воззрениями Фонвизина семья предстаёт как одна из составляющих государственного устройства.

Тем самым именно государство становится верховным арбитром, отделяющим семьи «правильные» от «неправильных». Право государственной власти вмешиваться в семейные отношения, построенные неразумно и неплототворно, основано на идее общего служения, которое стоит над узкосемейными интересами. Если семья Простаковых не в состоянии обеспечить полноценное участие своего сына в общем механизме служения, то государство в лице Стародума и Правдина обязано вмешаться и выправить положение. Антитеза «неправильному» семейству Простаковых – союз Милона и Софьи, продиктованный как любовными чувствами, так и чётким осознанием долга перед государством и обществом.

Эволюция концептов «Семья» и «Дом» в литературе 18-20 веков

Пушкин:

«Энциклопедизм» пушкинского художественного мира шире, чем известное определение, применённое к «Евгению Онегину». Именно в пушкинском творчестве задана, по сути, почти вся парадигма семейной темы (и связанной с нею темой Дома) в русской литературе: семья как патриархальное начало, обеспечивающее «самостоянье» человека («Повести Белкина»);

историческое измерение семьи как фундамент разумного человеческого самосознания («Арап Петра Великого», «Дубровский»);

семья как оплот независимости «от царей» и «от народа» («Из Пиндемонти»);
принципиально неразрешимая антитеза Долга и Чувства как часть семейной тематики («Евгений Онегин»).

Эволюция концептов «Семья» и «Дом» в литературе 18-20 веков

*Мое семейство умножается, растёт,
шумит около меня. Теперь, кажется, и
на жизнь нечего роптать, и старости
ничего бояться.*

Из письма Пушкина П.В. Нащокину, 10-е числа января 1836 года
(первоначально Пушкин написал «и смерти нечего бояться», но
переправил на «старости»)

Эволюция концептов «Семья» и «Дом» в литературе 18-20 веков

Два полюса темы Дома в позднем пушкинском творчестве: «Медный всадник» и «Капитанская дочка»
От строго антитетического художественного мышления Пушкин в середине 1830-х приходит к диалектически сложной картине мира. «Петербургская повесть» и исторический роман образуют единство, складывающееся из разных вариантов темы Дома (и темы Семьи как её составляющей).

«Медный всадник»: крушение «семейных» мечтаний маленького человека под несокрушимой поступью Государства, отождествляемой с поступью Судьбы. Дом Евгения, сметённый с лица земли последствиями рокового решения Петра – это та необходимая, но трагическая цена, которую человек вынужден платить за своё пребывание в историческом пространстве, а не в идиллической бессобытийности.

«Капитанская дочка»: хаос бессмысленного и беспощадного русского бунта, грозящий гибелью и Семье, и Дому, оказывается одолён совокупными усилиями двух антагонистических, но равно подверженных влиянию Милосердия акторов сюжета. Семья Гринёвых спасается и получает продолжение, то есть укоренённость в бытии, благодаря и Пугачёву, и Екатерине. На уровне Милосердия противостояние этих двух фигур временно снимается – и в этом залог дальнейшего существования человечества.

*«Бездомность» как смысловая доминанта
романтической трактовки темы семьи в
литературе (М.Ю. Лермонтов, А.А. Блок, М.И.
Цветаева)*

Пушкинский гармонический полюс неизбежно должен был породить в русской литературе своё отрицание, свою антитезу. В лермонтовском художественном мире Семья и Дом невозможны по определению. Всё зрелое творчество Лермонтова пронизано темами разрушения Дома, распада Семьи и торжества эгоистических начал, вырывающихся на свободу из плена традиции. «Маскарад», «Герой нашего времени», «Боярин Орша» – всюду Семья/Дом оказываются не в состоянии уберечься от разгула эгоистической стихии, дерзновенно ставящей свои собственные желания выше прочного мироустройства. При этом стихия эгоизма рано или поздно уничтожает самоё себя («Песня про царя Ивана Васильевича...», «Три пальмы», «Герой нашего времени») – но перед этим успевает выжечь до основания мир вокруг...

*«Бездомность» как смысловая доминанта
романтической трактовки темы семьи в
литературе (М.Ю. Лермонтов, А.А. Блок, М.И.
Цветаева)*

Александра Блока ещё при жизни сравнивали с Лермонтовым, справедливо видя в нём самого талантливого наследника лермонтовского дисгармоничного художественного мира. Тема невозможности Семьи и разрушения Дома – магистральная в блоковской поэзии («Но час настал, и ты ушла из дому...» – неизбежная развязка любых первоначально счастливых отношений в лирике Блока). Но теперь разрушителем Дома и Семьи становится уже не герой-одинокa, сжигаемый эгоистическими страстями – против уюта и семейного очага ополчается безликая стихия, принимающая - чаще всего – обличье вьюги, метели, пурги. Словно бы буран «Капитанской дочки», у Пушкина смирённый силой добра и милосердия, на краткий миг объединяющей двух непримиримых антагонистов, Самозванца и Государыню, взял реванш – и разгул хаоса грозит неизбежной гибелью и Дому, и Семье...

*Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьёт меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня!
Голоса поют, взывает вьюга,
Страшен мне уют...
Даже за плечом твоим, подруга,
Чьи-то очи стерегут!
За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл...
Бьёт в меня светящими очами
Ангел бури — Азраил!*

А.А. Блок, октябрь 1913

*«Бездомность» как смысловая доминанта
романтической трактовки темы семьи в
литературе (М.Ю. Лермонтов, А.А. Блок, М.И.
Цветаева)*

Цветаева, с присущим ей демонстративным максимализмом, доводит тему бездомности и бессемейности до логического завершения. Унаследованный от романтизма пафос крайностей оказывается помножен на любимую забаву Серебряного века, имморализм, – и оборачивается яростным ниспровержением всего хотя бы отдалённо напоминающего прочность и устойчивость. «Всяк на Руси бездомный» в творчестве Цветаевой 20-х годов уже не придёт в «огромный странноприимный дом» Москвы – теперь место московского уюта занимает ненавистный Гаммельн «Крысолова», заслуживший свою судьбу – и долженствующий быть разрушенным или хотя бы опустошённым. Тема Крысолова даёт в произведениях Цветаевой жутковатые всходы, оборачиваясь лихорадочным прославлением Ухода, отрясания праха с ног, покидания Дома. «Весёлая» и «высокая» пена морская, которой «дело – измена», торжествует над «гранитными коленами», то есть поколениями, то есть той самой пушкинской семьёй, само существование которой избавляло человека от страха смерти.

«Истории случайных семейств» в философской проблематике романов Ф.М. Достоевского

Семейная тема в «Великом Пятикнижии» Достоевского разворачивается в разных плоскостях, но при этом неизменно остаётся в русле главного смысла, сформулированного в «Подростке» – темы «случайного семейства», того, в котором под давлением тектонических сдвигов, охвативших человеческое бытие с конца 18 столетия, оказались нарушены все сколько-нибудь прочные связи, ещё худо-бедно работавшие даже у Тургенева или раннего Л. Толстого. На страницах пяти романов разворачивается воистину широчайшая панорама семейной неблагополучности:

- Безотцовщина («Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот»)
- Разлад поколений («Бесы», «Братья Карамазовы», «Подросток»)
- Имитация благополучной семьи, становящаяся почти карикатурой («Идиот»)
- Поиск отца, его обретение – и разочарование в нём («Подросток»)
- И кульминация этой темы – отцеубийство («Братья Карамазовы»), помноженное на почти древнегреческую тему противостояния братьев, практически доходящего до смертельного антагонизма.

«Распад семьи» в творческой эволюции Л.Н. Толстого: от «Войны и мира» к «Крейцеровой сонате»

«Мысль семейная», вопреки самому автору этого определения, лежит в основе не только «Анны Карениной», но и, по сути, всего толстовского творчества. Мало у кого в русской литературе можно увидеть столь последовательное проведение темы Семьи сквозь все этапы творческой биографии - и столь же последовательное нарастание всё более мрачных и пессимистических её трактовок.

Автобиографическая трилогия – почти идиллия, где даже горести носят уютно-скоропременно-проходящий характер.

«Война и мир» – семья как ось, вокруг которой с эпической неспешностью вращается мироздание с его войнами, политическим вздором и ничтожными заботами. Семьи Ростовых, Болконских, Безуховых и Курагиных совсем не похожи друг на друга – но это не мешает Семье оставаться той самой осью.

«Анна Каренина» – первые звоночки, первые сейсмические волны, возвещающие приближение «грозного и жестокого Бога» (Д.И. Святополк-Мирский). Плотная доселе ткань бытия, неотъемлемой частью которого была Семья, начинает расползаться – и гул надвигающегося поезда всемирных катастроф становится всё слышнее.

«Крейцера соната», «Живой труп» – кульминация. Семья превратилась в сгусток лжи, дядеермошкиной «фальши», стала частью всеобщего царства имитации и неправды – и поэтому её уже не жалко. Гибель толстовских семей – это верный признак того, что, по Толстому, Семья стала семьёй, утратила право именоваться с прописной буквы – так же, как это произошло или происходит со всем остальным – искусством, верой, родиной, государством.

Семейная тема сквозь призму истории: «Тихий Дон» М.А. Шолохова

Эпическое дыхание русской прозы, вновь воскресшее в 20 веке, неразрывно связано с семейной темой. «Тихий Дон» – пожалуй, наиболее грандиозная попытка проследить судьбу семьи в том обрушении всего и вся, которое предчувствовали Достоевский и Толстой и которое будет крайне неверно свести к плоской мысли о пагубности революции. «Тихий Дон» по праву может быть назван величайшим русским романом минувшего века из-за той полноты осознания, с которой Шолохов раскрывает главную, может быть, тему всего столетия – невозможность укрыться от пронизывающего ветра Истории. То, что ещё было возможно для героев Толстого – уйти от стужи века в тепло Дома – для шолоховских героев уже невозможно. История стала Судьбой – всеобщей и не знающей пощады. На её ледяном ветру уже не спрячешься за стенами привычного бытия – а тех, кто попытается это сделать, Судьба/История накажет хладнокровно и беспощадно.

Но роман не был бы по-настоящему великим, если бы в нём не существовало альтернативы. Другим полюсом шолоховского мироздания оказывается Жизнь – тихо, но неуклонно пробивающая себе дорогу сквозь ледяные пласты, нагромождённые историческими сдвигами. Чёрное солнце, которое видит над своей головой Григорий, неизбежно вновь станет прежним – и под его тёплыми лучами начнут набирать силу новые ростки жизни, становящиеся ростками новой Семьи.

*Литература 20 века и возникновение нового концепта
«Анти-семья»: М.А. Булгаков, Ю.В. Трифонов, В.И. Белов*

1. Булгаков: от преданного изнутри и потому шатающегося дома Турбиных, который ещё возможно сохранить, к Анти-Дому «Мастера и Маргариты», оборачивающемуся тюрьмой, в которую навечно заключён заглавный герой - в компании ведьмы.
2. Трифонов: семьи, разъедаемые изнутри ржавчиной мелких страстишек, себялюбием, корыстью, соревнованием амбиций и неудовлетворённых намерений.
3. Белов: от лада «Лада», заведомо идеализированного и лубочного, к атмосфере всеобщей деградации «Всё впереди».